

УДК 81'42

А.В. Бондарь

**СИСТЕМНО-ИНТЕГРИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ
(на материале поэтического текста Б. Пастернака «Нобелевская премия»)**

Бондарь О.В.

СИСТЕМНО-ИНТЕГРУВАЛЬНА ФУНКЦІЯ КАТЕГОРІЇ ЕМОТИВНОСТІ (НА МАТЕРІАЛІ ПОЕТИЧНОГО ТЕКСТУ Б. ПАСТЕРНАКА «НОБЕЛІВСЬКА ПРЕМІЯ»)

Поетичний текст є продуктом дискурсивної мовленнєво-розумової діяльності особистості та віддзеркалює авторську поетичну картину мира в образах. Механізм породження текстових смислів базується на системно-інтегруючій категорії емотивності, що пронизує всі текстові рівні та мотивує процеси смислопородження.

Ключові слова: поетичний текст, поетичний дискурс, авторська поетична картина світу, емотивність, емотивна конотація, емотивне особове значення (розуміння).

Бондарь А.В.

*СИСТЕМНО-ИНТЕГРИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА Б. ПАСТЕРНАКА «НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ»)*

Поэтический текст является продуктом дискурсивной речемыслительной деятельности личности и отражает авторскую поэтическую картину мира в оязыковлённых образах. Слово в поэтическом тексте Бориса Пастернака оказывается способным кумулировать личностные смыслы, которые актуализируются благодаря возникающей между текстами ассоциативной макросети, эмотивно-когнитивной в своей сущности. Механизм порождения ассоциативных связей зиждется на системно-интегрирующей категории эмотивности, пронизывающей все уровни строения текста и мотивирующей процессы смыслопорождения.

Ключевые слова: поэтический текст, поэтический дискурс, авторская поэтическая картина мира, эмотивность, эмотивные коннотации, ассоциативная макросеть, эмотивный личностный смысл.

Bondar A.

THE SYSTEM-INTEGRATING FUNCTION OF EMOTIVE CATEGORY (ON THE MATERIAL OF PASTERNAK'S POETIC TEXT «NOBEL PRIZE»)

The poetic text is a product of the discourse of thought activity of the person and reflects an author's poetic picture of the world. The word in Boris Pasternak's poetic text appears capable to

accumulate personal meaning. They are staticized owing to an associative macronetwork which arises between texts. This macronetwork is based on a system-integrating category of emotions which penetrates all levels of the text and motivates processes of the meaning creation.

Keywords: poetic text, poetical discourse, author's poetic picture of the world, category of emotions (emotive), emotive connotation, associative macronetwork, emotive personal meaning.

Поэтический текст, являясь важнейшей и неотъемлемой частью культуры, выступает объектом изучения различных лингвистических дисциплин. При этом в рамках современной антропоцентрической парадигмы поэтический текст рассматривается как «важная часть антропосферы» [8, с. 109]. С учетом последних достижений когнитивной лингвистики, коммуникативной стилистики, поэтики и психопоэтики текста, эмотиологии, поэтический текст может быть определен как антропосферическое речемыслительное произведение, которое является оязыковленным отражением поэтической картины мира автора и эксплицируется в дискурсивной поэтической среде («... в процессе его восприятия» [4, с. 84]. В связи с этим, нам кажется важным определить тот компонент речемыслительной деятельности, который организует формально-содержательную целостность поэтического текста как знаковой реалии.

Такой системной категорией поэтического текста является категория эмотивности, определяющая конкретные механизмы процессов смыслопорождения, обуславливающая, с одной стороны, коммуникативно-прагматическую установку (стратегию) личности, а с другой – функционально-семантический потенциал, смысловую (эмотивно-когнитивную) валентность языкового знака. Такой ракурс рассмотрения категории эмотивности обусловлен (1) пониманием эмоций как «одних из довербальных информационных структур сознания личности», организующих, по утверждению У. Грея, «когнитивные элементы в эмоционально-когнитивную структуру» [9, с. 34 – 35], и (2) признанием их «движущими мотивами сознания» [9, с. 38]. Следовательно, «мышление базируется не столько на языке, сколько на субъективных, в том числе и эмоциональных, понятиях, которые задаются эмоциональным дейксисом говорящего и его эмоциональным ментальным стилем, входящих в его эмоциональный интеллект» [9, с. 37]. То есть эмоциональный уровень сознания (эмоциональный интеллект), определяющий когнитивные структуры языковой личности, находит отражение в текстовой единице, семантическое пространство которой расширяется за счёт возникновения у неэмотивного в языке (или экспликации у потенциально эмотивного) слова эмотивной валентности и эмотивных коннотаций. Именно эмотивно-коннотативная связь, возникающая между концептуально осознанными единицами поэтического текста, является основанием для структурирования ассоциативного поля текста как дискурсивно обусловленного

пространства. А «ассоциативное поле текста отражает не только структуру, семантику и прагматику текста, но и языковую личность автора и особенности его поэтической картины мира» [2, с. 20]. Таким образом, эмотивность как системная категория поэтического текста выполняет интегративно-мотивационную функцию.

Следует отметить, что эмотивность в современной науке понимается неоднозначно, но признаётся в качестве имманентного свойства языка большинством учёных (см. [9, с. 13 – 50]). В частности, эмотивность текста может пониматься: а) как коммуникативно-прагматическая установка на эффект воздействия, ожидаемой целью которого является эмоциональная ответная реакция у адресанта; б) как насыщенность текста единицами с эксплицитно выраженными эмотивными семами в семантической структуре – «эмотивная плотность» (эмотивы, аффективы, коннотативы, которые выступают как «сигналы эмотивного текста» [9, с. 192]). В первом случае подчёркивается функциональная, прагматическая установка на трансляцию эмоции через *воздействие* на адресата, то есть речь идёт об *эмоциогенном* прагматическом эффекте, нацеленном на эмоциональную рефлексию. Во втором случае подчёркивается статус эмотивности как семантической категории, то есть категории, способной организовывать содержательный план выражения (текста). Таким образом, «такая концепция эмотивного текста основана на <...> понимании эмотивности как функционально-семантической категории, служащей для внешней трансляции состояния языковой личности» [9, с. 182].

Поэтический текст Бориса Пастернака рассматривается нами как эмотивный, то есть (1) имеющий прагматическую установку на эмоциональную рефлексию и (2) выражающий эмоции (интенсивные психические состояния и реакции) при помощи единиц языка. При этом «эмотивный текст варьирует смысл слова» и ориентирован на выражение эмотивного личностного смысла, определяемого как «эмоциональная нагрузка слова в индивидуальном семантическом пространстве» личности (подр.: [9, с. 227 – 237]). То есть именно эмотивность становится тем фактором, благодаря которому «в тексте получают реализацию глубинные пласты семантических потенций слова» [9, с. 191], а само поэтическое слово воспринимается как эмотивное. Если в системе языка эмотивными признаются междометия, непосредственно выражающие эмоцию, и собственно эмотивы – единицы, содержащие в семантической структуре экспли-

цитные эмотивные семы, то в поэтическом тексте эмотивным может стать любое слово, что обусловлено: 1) специфичностью функции поэтического текста, 2) спецификой его содержания, характером заложенной в нём информации и 3) спецификой его организации.

Рассмотрим эмотивность поэтического текста Бориса Пастернака как функционально-семантическую категорию, выполняющую системно-интегративную функцию, на примере стихотворения «Нобелевская премия». Обратимся к той внетекстовой ситуации, которая нашла отражение в содержании стихотворения – к тем событиям, который происходили в это время с поэтом. Как известно, данный текст был создан в январе 1959 года – тогда же написаны «Зимние праздники», «Божий мир», «Единственные дни». Эти тексты «объединены в машинописную подборку «Январские дополнения 1959 г.» и находится в собрании О.В. Ивинской» [1, с. 685]. Вместе с «Июльскими дополнениями 1958 г.» и блоком стихотворений, создававшихся с 1956 (конца 1955) года, «Нобелевская премия» входит в последнюю книгу стихотворений Бориса Леонидовича «Когда разгуляется». Со ссылкой на Ж. де Прауйяр В.С. Баевский приводит слова самого Пастернака, отражающие понимание основного смысла книги: «Я думаю о жизни абсолютно ясной. Список её действующих лиц – Бог, Женщина, Природа, Признание, Смерть... Вот истинные соучастники, друзья, собеседники» [1, с. 682]. При этом неоценимо важным является замечание исследователя, опиравшегося на сведения А.А. Ахматовой, о том, что книга «Когда разгуляется» должна была стать итоговой частью романа («дополнительным разделом книги») «Доктор Живаго» и писалась по просьбе-подсказке-настоянию Н.В. Банникова [см.: 1, с. 682]. Данное замечание не может остаться без внимания, а значит, говоря о тексте стихотворения «Нобелевская премия», мы обязаны учитывать его дискурсивное (генетическое) родство с предшественными текстами и концептуальными представлениями поэта, которые отразились в романе и цикле «Стихотворения Юрия Живаго». Тем более такое «объединение» поэтических книг является оправданным, если учесть, что «книга “Когда разгуляется” писалась на фоне неудавшихся попыток Пастернака опубликовать “Доктора Живаго” в Москве, тревог, связанных с публикацией его за границей, присуждения Нобелевской премии, последовавшей травле» [1, с. 688].

Очевидно, что «Нобелевская премия» создана в «инерционный» период работы над романом «Доктор Живаго» и последующими перипетиями по его изданию. То есть письмом к написанию стихотворения, отразившимся в его структуре и семантике, была эмоциональная атмосфера, в которую был погружён Пастернак, и круговорот его

собственных мыслительных представлений-тем-образов, «доставшихся» от прежней творческой работы. Очевидно, что эта эмоциональная атмосфера была определена запущенной чудовищной даже для нашей страны (по словам В.С. Баевского) «кампанией шельмования», направленной на физическое уничтожение поэта [1, с. 645].

Обратим внимание на то, как вербально выражаются эмоции поэта в текстах того времени. В переписке со знакомыми, размышляя о настоящем и будущем, он активно использует лексемы, в семантической структуре которых доминируют семы «смерть» и «грязь». Предчувствуя финал кампании, в письме от 17 сентября 1958 года он приглашал Жаклин де Прауйяр на своё «*грядущее четвёртое стихотворение*», а в письме к Макс Грегору отмечал: «*Петля* неясности, которая всё больше и больше *затягивается вокруг моей шеи*, имеет целью силой поставить меня в материальном отношении на колени, но этого никогда не будет. Я переступил порог нового года *с самоубийственным настроением и снегом*» [цит. по: 7, с. 142, 159]. Вс. Иванов запишет и другие слова Пастернака, сказанные в то же время: «Перед тем, как придти к вам, мне нужно принимать ванну: так меня *обливают помоями*» [цит. по: 7, с. 151] (выделения наши – А.Б.). Сын поэта объясняет: «Самоубийственное настроение и гнев были вызваны мучительным чувством оскорбления и душевной грязи. Сознанием унижения и напрасного компромисса» [7, с. 159]. Ольга Ивинская вспоминала: «Многие друзья тогда перестали бывать у нас. Сказалось чувство, что мы в загоне...» [цит. по: 3]. При этом Борис Леонидович в составленном по требованию Поликарпова письме в редакцию газеты «Правда» заявлял: «В моём положении нет никакой безвыходности. Будем жить дальше, деятельно веруя в силу красоты, добра и правды» [цит. по: 7, с. 155]. Возможно, именно поэтому Пастернак, измученный пограничным состоянием и живущий в «изоляции» и одиночестве, пишет открытое в политическом плане стихотворение «Нобелевская премия» и передаёт его в печать. «Это был открытый вызов той трясине униженности и покорности, в которой он не желал более находиться», – пишет Евгений Пастернак [7, с. 159]. «Гробошники советской литературы» (пользуясь выражением Дж. Стейнбека) сделали своё провокационное дело, уподобившись гончим во время охоты-травли.

Определённо, стихотворение создавалось в атмосфере эмоционального всплеска, осложнённого разрывом с Ольгой Ивинской, что явлено в последних строфах стихотворения первой редакции:

*Всё тесней кольцо облавы,
И другому я виной:
Нет руки со мною правой,*

Друга сердца нет со мной.

*А с такой петлёй у горла
Я б хотел ещё пока,
Чтобы слёзы мне утёрла
Правая моя рука.
[цит. по: 7, с. 161]*

Приведённые выше выдержки из писем поэта, воспоминаний современников и свидетелей тех событий позволяют выделить ключевые эмоциональные образы, которые владели сознанием Бориса Пастернака в период работы над «Нобелевской премией». Оказывается, что эти же образы слагают / конструируют содержательный остов стихотворного текста:

*кампания шельмования // последовавшая травля // убила его не столько травля... // со-
здалось чувство, что мы в загоне >>> Я погиб
как зверь в загоне <...> А за мною шум погони
<...> Путь отрезан отовсюду <...> Всё тесней
кольцо облавы*

*меня обливают помоями // мучительное
чувство оскорбления и душевной грязи >>> Что
же сделал я за пакость, / Я, убийца и злодей?
грядущее четвертование // самоубий-
ственное настроение >>> Но и так, почти у
гроба*

*в моём положении нет никакой безвы-
ходности >>> Путь отрезан отовсюду, / Будь
что будет, всё равно*

*будем жить дальше, деятельно веруя в
силу красоты, добра и правды >>> Верю я, при-
дёт пора, / Силу подлости и злобы / Одолеет
дух добра*

*это был открытый вызов той трясине
униженности и покорности >>> Что же сде-
лал я за пакость, / Я, убийца и злодей?*

*петля неясности, которая всё больше и
больше затягивается вокруг моей шеи >>> А с
такой петлёй у горла.*

Основной образ стихотворения – образ травли. Подчеркнём, что в тексте Пастернака реализуются словарные значения лексемы *травля*, а не лексемы *охота*. При этом в тексте реализуется одновременно и прямое значение субстантива *травля*, и переносное: *травля* – от *травить*: а) ‘охотясь, преследовать (зверя) с помощью собак’, б) ‘изводить преследованиями, клеветой’ [5, с.1054]. Очевидно, что второе словарное значение эмотивно, то есть в денотативно-коннотативном ядре лексемы *травля* категоризована сема эмотивности.

Для Пастернака образ травли, реализующийся в тексте, связан с эмоциональной атмосферой преследования, представлен и конкретизирован в тексте следующими лексическими единицами: *пропал, зверь, где-то (= наружу), за мною, шум погони, ходу нет, путь отрезан.*

Используемая в тексте лексема *загон* (от *загнать*) имеет схожее словарное значение: а) ‘гоня, заставить войти куда-нибудь, поместиться где-нибудь’, б) ‘замучить ездой, гонкой’ (например, загнать зверя) [5, с. 257]. Попадая в дискурсивное пространство поэтического текста, семантическая структура данной лексемы эксплицирует эмотивные смыслы за счёт ассоциативной связи с мотивирующей идеей (эмоциональной атмосферой) травли. Именно благодаря ассоциации мы имеем право говорить о коннотативной эмотивности всего текста.

Непосредственным выразителем эмоционального состояния лирического героя при этом выступает а) прямое сравнение с объектом травли (в прямом значении) – «*как зверь в загоне*, б) эмоциональное восклицание – «*будь что будет, всё равно*» / «*Что же сделал я за пакость*». Так в тексте явлено осознание лирическим героем собственной травли (загнанности, безвыходности) и примирение со своей участью.

При этом для Пастернака характерна ассоциативная связь образа травли с религиозным образом жертвенного пути Иисуса Христа. Новой такой ассоциации является эмотивно-коннотативная аналогия двух образов. Наиболее чётко она проявляется при сопоставлении двух «вершинных», «итоговых» стихотворений поэта – «Нобелевской премии» и «Гефсиманского сада». Первое подводит итоги собственной жизни поэта, другое – земной жизни Иисуса Христа, описывая его последние дни жизни. Как нам представляется, в обоих стихотворениях речь идет об одном: 1) *Он отказался без противоборства, / Как от вещей, полученных взаймы, / От всемогущества и чудотворства, / И был тепер, как смертные, как мы. / «...Час сына человеческого пробил. / Он в руки грешников себя предаст». / «...Во имя страшного её величия / Я в добровольных муках в гроб сойду. / Я в гроб сойду и в третий день восстану...»* [6, с. 436 – 438]; 2) *Путь отрезан отовсюду, / Будь что будет, всё равно. / ...Но и так почти у гроба, / Верю я, придёт пора, / Силу подлости и злобы / Одолеет дух добра* [6, с. 490].

Итак, образ травли является организующим для когнитивной (семантической) структуры поэтического текста «Нобелевская премия». Благодаря ему актуализируются личностные эмотивные смыслы и эмотивные коннотации, отражающие авторскую поэтическую картину мира и взаимосвязанные с концептуально осознанными понятиями личности, константами творчества. Именно эмотивность, выполняющая системно-интегрирующую функцию в дискурсе поэтических текстов Бориса Пастернака, организует ассоциативную макросеть, способствующую смысловому развёртыванию и приращению личностных смыслов в

семантическом пространстве текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баевский В.С. Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма [Текст] / В.С. Баевский. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 736 с.

2. Болотнова Н.С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора [Текст] / Н.С. Болотнова // Вестник ТПУ, 2004, №1. – С. 20 – 25.

3. Быков Д.Л. Борис Пастернак (Серия ЖЗЛ) [Электронный ресурс] / Д.Л. Быков. – М.: Молодая гвардия, 2007. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/bykov/bykov_pasternak.htm

4. Золотых Л.Г. Когнитивно-коммуникативные признаки поэтического идиостиля [Текст] / Л.Г.

Золотых // Вестник ТПУ, 2006, №5. – С. 84 – 89.

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов [Текст] / С.И. Ожегов, Л.И. Скворцова. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 1200 с.

6. Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы [Текст] / Б.Л. Пастернак; Сост. Е. Пастернак; Послесл. Н. Банникова. – М.: Худож. лит., 1990. – 511 с.

7. Пастернак Е.Б. Хроника прошедших лет [Текст] / Е.Б. Пастернак // Знамя, 2008, № 12. – С. 135 – 165.

8. Степанов М.С. Поэтическое как научный объект: аспекты реконструкции [Текст] / М.С. Степанов // Армия и общество, 2007, №3. – С. 109 – 116.

9. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография [Текст] / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.